

А.Х. ХУСАИНОВА

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНЦЕПТ
СВОБОДЫ ВЫБОРА В ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ОБЕЛИСК»**

В статье рассматриваются события войны на оккупированной территории и экзистенция свободы выбора в «пограничной», «стрессовой» ситуации «или-или» в повести писателя-фронтовика В. Быкова «Обелиск». Идею экзистенциально-религиозного самопожертвования в повести несёт образ учителя Мороза, прототипом которого был известный польский педагог Я. Корчак. Учитель Мороз до последнего поддерживал обречённых на смерть учеников, пытался спасти их ценою своей жизни и добровольно пошёл на плаху.

Ключевые слова: экзистенция, война, события, ситуация, оккупация, учитель, ученики

Хусаинова Айсылу Хамзеевна - доцент кафедры философии, социологии и политологии, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акумуллы. E-mail: a_bab@mail.ru

A.H. KHUSAINOVA

**EXISTENTIAL AND RELIGIOUS CONCEPT OF THE FREEDOM
OF CHOICE IN THE STORY OF V. BYKOV «OBELISK»**

The article discusses the events of the war in the occupied territories and the existence of the freedom of choice in the «border», «stressful» situations «either-or» in the story of writer and veteran V. Bykov «Obelisk». The idea of existential and religious self-sacrifice in the story is revealed in the image of the teacher Moroz, whose prototype was the famous Polish educator Y. Korchak. Teacher Moroz supported the students condemned to death to the last, trying to save them at the cost of his life, and voluntarily went to the scaffold.

Keywords: existence, war, events, situations, occupation, teacher, students

Khusainova Aisylu Khamzeyevna - assistant professor at the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Akmulla Bashkir State Pedagogical University. E-mail: a_bab@mail.ru

Текущий 2015 год – это год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и год литературы в Российской Федерации, что актуализирует «возврат к истокам» – военному творчеству писателей-фронтовиков, ибо как считал участник войны Б. Слуцкий: «Эпоха закончилась, и надо её описать» [11, с. 87].

Минувший XX век – это эпоха «тридцатилетней войны» (1914-1945 гг.) между Германией и Россией, которая поставила вопрос об историческом выживании страны и народа. События Великой Отечественной войны стали «пограничем» (К. Ясперс) [15, с. 231] между «или-или» (С. Кьеркегор) [8, с. 161], между бытием и небытием, ибо только «два обстоятельства спасли нашу страну: первое – военная промышленность дала меч; второе, главное – в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью» [13, с. 9].

Произведения известного писателя-фронтовика В. Быкова (1924-2003) посвящены трагическим событиям 1941-1945 годов, когда человек оказывается перед свободой выбора между жизнью и смер-

тью – это повести «Мёртвым не больно», «Круглянский мост», «Обелиск» и др. «Литература должна, не переставая, бить в свои колокола, настойчиво пробуждая в людях потребность в высокой духовности, – считал В. Быков. – Меня интересует в первую очередь не сама война, но главным образом нравственный мир человека, возможности его духа» [5, с. 125]. Очевидно, поэтому герои его произведений проходят через самые тяжёлые испытания, продолжают борьбу на грани человеческих возможностей, погибают в неравных схватках «смертью смерть поправ» [9, с. 297]. Философско-этическая заострённость нравственных проблем в творчестве писателя усугубляет проблему свободы выбора и ответственности человека в «пограничной ситуации» (К. Ясперс) на войне.

По мысли экзистенциалиста К.Ясперса, «у философии нет собственной предметной области. В то же время предметные исследования, осознанно устремляясь к границам (вопрос о границах возможного познания жизни) и истокам нашего бытия, становятся философскими» [16,

с. 11]. Известно, что в своей обращённости к миру в целом художественное слово предстаёт как особое явление, наиболее открытое как объективному, так и субъективному [12, с. 8]. Этот открывающийся «простор» Гегель назвал неограниченным: становящийся, исследующий и соприродный миру, он охватывает всё: столкновение миров, сторон, позиций и т.п., ибо «поэзия философичнее и серьёзнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном. Общее состоит в том, что человеку такого-то характера следует говорить или делать, по вероятности или по необходимости, к чему и стремится поэзия, придавая (героям) имена» [2, с. 665], рассматривает «судьбу человека» (М. Шолохов), «бунтующего человека» (А. Камю) и раскрывает свободу его «выбора» (Ю. Бондарев) в «пограничной ситуации» «или-или», ибо пока человек жив, он ещё не завершён (Ж.-П. Сартр).

По утверждению Сартра, свободный выбор – удел каждого человека, поскольку человек обречён на свободу, и он выбирает её неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. В нравственном выборе, согласно философу, участвуют не ясное рефлексивное сознание человека, а некие дорефлексивные пласты его внутреннего мира. Человек выбирает не умом, а целостностью своего Я, и выбор реализуется в поступок. Пока человек не поступает, он не знает, каков он на самом деле, ибо только поведение говорит человеку о его истинных помыслах, порывах, пороках. Даже чувства, на которые пытается сослаться человек при выборе, есть порождение поступка, который он совершает. В этом смысле Сартр игнорирует проблему мотивов, внутреннего состояния души и считает его неосуществимым, разделяя прагматическое представление о морали, в соответствии с которым можно судить о человеке по следствиям его дел, а не по его замыслам [10, с. 453].

По мнению философа, человек не может опереться на людей, ибо каждый свободен, и на них не обопрётся, потому человек выбирает в одиночку, без гарантий, оснований и надежды на успех. При этом, полагает Сартр, всякий раз при выборе человек считает, что выбирает добро, и при том – добро для всего человечества. При этом философ признаёт лишь одну добродетель – это честность, ибо никто не должен пытаться переложить ответственность за свои поступки на другого человека или на ситуацию [10, с. 461].

Согласно мысли С. де Бовуар, процедуры осуществления человеком нравственного выбора в той или иной ситуации в

принципе не могут и не должны коррелироваться некими универсальными правилами. Поведенческие реакции человека целиком и полностью конституируются в процессе самого акта выбора. Ясные и однозначные правила игры элиминируют потребность в личных решениях. Этические императивы и максимы материализуются через человеческие поступки, ибо люди вынуждены существовать в условиях вакуума моральных директив и отсутствия ответов на вопросы экзистенциального порядка, обретают свободу исключительно под давлением обстоятельств, когда раскрывается возможность свободного выбора через индивидуальное поведение. По убеждению Бовуар, люди, существуя в «трагически двусмысленных» условиях и будучи при этом изначально свободными, признаны нести ответственность за «направление собственных жизней» [3, 15].

Повесть «Обелиск» (1972) В. Быкова начинается с описания «трагически двусмысленных» событий июня 1941 года. Весь «трагизм жизни» (М. де Унамуно) [12, с. 125] на оккупированной территории писатель раскрывает через «направление собственной жизни» и индивидуальное поведение учителя Мороза, который добровольно отдал себя в руки фашистов, чтобы разделить участь своих воспитанников, и, подобно Иисусу Христу, пошёл на плаху. Обелиск стал символом подвига учеников и учителя, чьё имя появилось на постаменте недавно, только после долгих, упорных хлопот, предпринятых единственным спасённым им учеником Павлом Миклашевичем. Имя учителя Мороза было вписано на обелиске впереди пятерых учащихся, казнённых фашистами: «Это был приземистый бетонный обелиск. Он всегда был тщательно досмотрен и прибран. Обелиск часто менял свой вид, неизменной оставалась лишь металлическая табличка с пятью именами школьников, совершивших известный подвиг в годы войны. Я их знал на память. Но теперь удивился, увидев, что тут появилось новое имя – Мороз А.И., которое было выведено над остальными белой масляной краской» [4, с. 16].

Как известно, прототипом образа учителя Мороза был польский педагог Януш Корчак (Генрик Гольдшмит (1878-1942)), оказавшийся с 1940 г. в варшавском гетто, приговорённого к вымиранию. Отклонив возможность побега и предложение гитлеровцев на сотрудничество, Корчак добровольно принял смерть вместе с детьми-сиротами. «Трудное это дело – родиться и научиться жить. Мне осталась

задача куда легче – умереть... Я хотел бы умирать в полном сознании, сохраняя присутствие духа. Не знаю, что я сказал бы детям на прощание. Хотелось бы сказать многое, главное же – что они вольны сами избрать свой путь» [7, с. 5]. На месте гибели учителя и его воспитанников стоит камень-памятник «Януш Корчак и дети».

События в повести «Обелиск» В. Быков «переносит» на территорию Белоруссии, которой одной из первых пришлось испытать невероятную жестокость тактики «выжженной земли» вермахта и пережить все тяготы оккупации. Повесть «Обелиск» – это «рассказ в рассказе», история Мороза возникает в рассказах учителя Ткачука, их, в свою очередь, передаёт герой-повествователь, также имеющий повод для эмоционального восприятия событий. Такая форма хорошо соответствует философскому духу произведения: в этом «многослойном» личностно-окрашенном повествовании сохраняют весь свой вес точно отобранные реалистические и психологические детали, что позволяет составить объективное представление об учителе Морозе, побудительных мотивах его поступка – его самопожертвования.

Сельский учитель Мороз был «мастер путать постулаты», т.е. педантично регламентированные педагогические правила и воспитательные приёмы. И, разумеется, «путал» он не просто так, не оригинальности ради, а лишь затем, чтобы чутко отозваться на прихотливые, часто меняющиеся жизненные обстоятельства. Мороз учил школьников всегда, а не только в «учебные часы», зная, что «такое не пропадает» [4, с. 17]. Учил даже больной, читая набившимся в его небольшой комнате ученикам вслух книги Л. Толстого. А на замечания, заставшего эту сцену инспектора отдела образования района, запальчиво отвечал, что «все те программы, весь тот материал, что он пропустил за месяц болезни, не стоят двух страничек Толстого» [4, с. 31], который возвеличил Отечественную войну 1812 года и воздал должное мощи «дубины народной войны» против Наполеона, последователи которого – «белокурые бестии» – вновь готовы были ринуться с Запада на Восток. Мороз проводил параллели и воспитывал чувство патриотизма у своих подопечных, стремился пробудить веру и укрепить чувство собственного достоинства.

Как пишет В. Быков, всего за два года ученики успели сродниться с Морозом, ибо заботы детей он принимал как свои: поселил у себя парня, спасая его от отцовских побоев; справил девочкам беднячки-

вдовы ботинки, хотя и сам жил небогато, почти бедно. «Мороз – учитель. Он был настоящим человеком. Ребята за ним табуном ходили» [4, с. 14]. Мороз стремился к тому, чтобы помощь слабым, всем, кто нуждался, и это стало нормой в отношениях между детьми, чтобы каждый ощущал локоть, поддержку другого, чувствовал себя человеком, на которого можно положиться. Прежде всего, можно было положиться на самого Мороза, и это твёрдо знали все: во всём селе высок был авторитет молодого учителя, его мнению доверяли, с ним советовались по житейским делам, и недаром крестьяне со всей округи шли к нему за советом. Авторитет учителя помог ему сохранить школу и в 1941 году, когда началась немецкая оккупация, обучать детей: «А по каким программам, интересно? По советским или немецким», – вопрошает бывший инспектор роно Ткачук. «Ах, вот вы о чём? – отвечает ему учитель Мороз. – Если вы имеете в виду моё теперешнее учительство, то оставьте ваши сомнения. Плохому я не научу. А школа необходима. Не будем учить мы – будут обольванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, чтоб их теперь расчеловечили. Я за них ещё поборюсь. Сколько смогу, разумеется...». Мороз этот работал не только для будущего. Делал кое-что и для проклятого военного настоящего. Именно тогда впервые открылось мне, что Мороз этот не нам ровня, умнее нас. Мороз своим умом обошёл нас и берёт шире и глубже... Он думал, осмысливал эту войну. Он на оккупацию смотрел как бы изнутри и видел то, чего мы не замечали. И главное, он её больше морально ощущал, с духовной стороны» [4, с. 39-42].

По сюжету повести первое время немцы и полиция не питали интереса к Морозу, следили издали. Предатель из местных Каин что-то заподозрил вокруг школы Мороза, и туда нагрянули полиция. Они учинили обыск, но ничего не нашли, никого не забрали, только учителю устроили допрос: всё обошлось. И тогда ребята, что учились у Мороза, и переросток Бородич что-то задумали. Они были откровенны с учителем, а тут затаились даже от него. Однажды Бородич намекнул, что неплохо бы пристукнуть Каина: есть, мол, такая возможность. Но Мороз категорически запретил это делать, сказал, что, если потребуется, пристукнут без них; Бородич не стал возражать, вроде бы согласился.

К весне 1942 года вокруг Мороза в Сельце сложилась небольшая, но преданная ему группа ребят, которая буквально во всём была заодно с учителем: «Пав-

лу Миклашевичу шёл тогда пятнадцатый год. Коля Бородич был самым старшим, ему подбиралось уже к восемнадцати. Ещё были братья Кожаны – Тимка и Остап, однофамильцы Смурный Николай и Смурный Андрей – всего, таким образом, шестеро. Самому младшему из них, Смурному Николаю, было лет тринадцать. Всегда во всех делах они держались вместе. И вот эти ребята, когда увидели, что на их школу и на Алесь Ивановича надел этот Каин с немцами, решили тоже не оставаться на долгу. Сказалось Морозово воспитание... Дурости и смелости у них хоть отбавляй, а вот сноровки и ума, конечно, было в обрез» [4, с. 50]. После того, как Мороз запретил трогать Каина, ребята сделали вид, что успокоились, но взялись за свою затею тайно от учителя; они долго присматривались и разработали план. Они подобрали момент и подстерегли Каина: полицейя на немецкой машине с немцем-фельдфебелем, солдатом и двумя полицейями приехали на отцовский хутор. Ребята всё высмотрели, разведали и, как стемнело, все шестеро с топорами и вилами – на дорогу: подпилили столбы моста, по которому не смогла проехать машина с полицейями, и одного немца придавило насмерть её кузовом: «Вытащили немца из-под машины уже мёртвого. Но Каин и остальные тут же вскочили, стали поднимать машину, и кто-то тогда заметил, как в кустах мелькнула фигура. Фигура подростка. Больше ничего не удалось заметить, но и этого оказалось достаточно» [4, с. 52-54]. В селе узнали, что случилось на дороге у моста: Каин прибежал за подводой везти труп немца в местечко. У полицейя Каина Бородич давно был на подозрении, к тому же кто-то из полицейев увидел его в овражке: не опознал, но увидел, что побежал подросток, не мужчина. В районе вспомнили Бородича и решили взять; схватили вместе со Смурным, а схватив двух, нетрудно было арестовать и остальных.

После этих событий учителя Мороза забрали в партизанский отряд и зачислили во взвод бойцом, хотя боец из него был не очень завидный из-за хромоты ноги. Мороз ходил «словно в воду опущенный» [4, с. 56]. В это время с лесного кордона в отряд прибежала связная Ульяна, которой разрешалось появляться только в самом крайнем случае. «Требуют Мороза. Иначе, сказали, ребят повесят. Мороз им нужен». «Ты слышишь? – кричит командир. – И она с этим примчалась в лагерь. Так им Мороз и побежит. Нашли дурака!». Ульяна молчит. Я стою, ошеломлённый. Бедный Мороз! Ещё один камень на

его душу. Вернее, шесть камней – будет от чего почернеть. Конечно, никто из нас тогда и в мыслях не имел посылать Мороза в село. Сдурели мы, что ли. Ясно, они и мальцов не отпустят, и его кокнут. Знаем мы эти штучки. Девятый месяц под немцем живём. Насмотрелись. А Ульяна рассказывает: «Я разве железная? Прибегаю ночью тётка Татьяна и тётка Груша – волосы на себе рвут. Ещё бы, матери. Просят Христом-богом: «Ульяночка, родненькая, помоги. Ты знаешь как... Сходи, ты знаешь, где Алесь Иванович, пусть спасает мальцов. Он же умный, он их учитель» [4, с. 58].

В этой «стрессовой ситуации» (А. Адамович) [1, с. 237] «или-или» нужно было принять решение, от которого зависела жизнь ребят. «Вот какая вызрела ситуация. Невесёлая ситуация... А что сделаешь? Пропали, видно, хлопцы. Это так. А каково матерям? Им ведь ещё жить надо. И Морозу тоже. Мы молчим, что пни, а Ульяна встаёт: «Решайте, как хотите...». Ульяна выходит, я следом. Вылезаю из землянки и тут же нос к носу – с Морозом. Стоит у входа, держит свою винтовку без мушки, а на самом лица нету. Глянул на него и сразу понял: всё слышал...» [4, с. 58], и сделал свой выбор: решил разделить участь своих воспитанников. Намерение Мороза идти в деревню Сельцо, где томились в немецкой комендатуре ребята, это нарушение, причём, как считает командир партизанского отряда Селезнёв, ничем не оправданное и бессмысленное. Неужели можно было поверить фашистам, объявившим: пусть придёт и сдаётся учитель, тогда подростков отпустят? Конечно, не отпустят, повесят и их, и учителя – это всем ясно. И Мороз не возражает, когда ему говорят, что идти в Сельцо «самое безрассудное самоубийство», даже соглашается: «Командир кричит на Мороза: «Ты с ума сошел, ты дурак, псих, идиот!». А Мороз стоит у дверей и понуро так смотрит в землю. Кажется, он даже и не слышит командирского крика... Селезнёв всё ярится. Командир выкричал своё и ко мне: «Слышал, хочет в село идти». «Зачем?». «А ты у него спроси». Смотрю на Мороза, а тот только вздыхает. Тут уж и я начал злиться. Тут мы оба взъярились: что за сумасбродство? Надо быть круглым идиотом, чтобы поверить немцам, будто они выпустят хлопцев. Значит, идти туда самое безрассудное самоубийство. Так и сказал Морозу, как думал. Тот выслушал и вдруг очень спокойно так отвечает: «Это верно. И всё-таки надо идти» [4, с. 58-59].

Ткачук, комиссар партизанского отряда, хорошо знавший Мороза по предвоенной поре, чувствует силу этой спо-

койной убеждённости, хотя и не может пока до конца осознать, в чём тут суть. Да и что собственно, значило тогда – осознать? Согласиться, чтобы Мороз отправился на смерть? «Тут у него свои какие-то принципы, у этого Мороза. Селезнёв и говорит со строгостью в голосе: «Потолкуй с ним. Чтоб он эту блажь из головы выбросил». Надо как-то поговорить с ним, уломать отказаться от этой глупой затеи. Конечно, я понимал: жаль хлопцев, жаль матерей. Но мы помочь не могли. Отряд ещё не набрал силы, оружия было мало, с боеприпасами дело совсем аховое, а вокруг в каждом селе гарнизон – немцы и полиция. Попробуй, сунься. Да, я честно собирался поговорить с ним, убедить его бросить и помышлять о явке в Сельцо. Но вот не поговорил. Промедлил» [4, с. 59]. А Мороз ночью самовольно ушёл из лагеря, о чём стало известно в партизанском отряде лишь утром.

Позднее, когда Ткачук вместе с командиром Селезнёвым подписывал сведения о выбывших партизанах, «хромой идиот», учитель Мороз, оказался в списке попавших в плен: не до того было, чтобы разбираться, да, возможно, и сам порядок отчётности не располагал к многообразию вариантов. Схватку за Мороза, за его доброе имя, Ткачук начал спустя много лет вместе с Миклашевичем, с больным, израненным человеком, единственным, кто благодаря учителю чудом уцелел и под сильным его влиянием. Так откуда всё-таки она шла, убеждённость Мороза в правильности сделанного выбора, понятая ныне Ткачуком, ещё ранее до конца прочувствованная Миклашевичем?

Учитель Мороз добровольно пошёл в комендатуру, чтобы разделить судьбу своих учеников, хотя и не принимал участия в их дерзкой вылазке, имевшей столь роковые последствия. Мороз ценою своей жизни поддерживал в своих учениках, в жителях села надежду и веру в человека – ту веру, которую фашистские оккупанты так упорно стремились уничтожить. Он пошёл в Сельцо, потому что матери схваченных ребят, руководствуясь не рассудком, а сердцем, надеялись: Алесь Иванович придёт и спасёт. Он пошёл, чтобы своим поступком помочь обречённым, помочь уже тем, что будет рядом с ними в страшный час; пошёл, ибо такой выбор вытекал из всего, что делалось в школе Сельца в течение всего времени его учительства. «И вот в эту самую пору, в разгар пыток, является сам Мороз. Произошло это раненько утром, село ещё спало. А Мороз уже ничего не боится, идёт прямо на часового, прихрамывает только

и спокойно так говорит: «Доложите начальству: я – Мороз». Ну, тут сбежалась полицейская свора, немцы скрутили Морозу руки... Как привели в старостову хату, старик Бохан улучил момент и говорит так тихонько, чтоб полиция не услышала: «Не надо было, учитель». А тот одно только слово в ответ: «Надо». И ничего больше. Теперь «бандиты» оказались все в сборе, главарь налицо, можно было отправлять в полицейский участок» [4, с. 65-67].

Подростки, закрытые в амбаре, упали духом, когда услышали голос своего учителя: решили – схватили и его, и до самого конца никто из них иначе и не думал – считали, не уберётся учитель, ненароком попался к немцам. И он им ничего о себе не сказал, только подбадривал. «Говорил, что жизнь человеческая очень соразмерна с вечностью и пятнадцать лет или шестьдесят – всё не более чем мгновение перед лицом вечности. Ещё говорил, что тысячи людей в том же Сельце рождались, жили, отошли в небытие, и никто их не знает и не помнит никаких следов их существования. А их будут помнить, и уже это должно быть для них высшей наградой – самой высокой из всех возможных в мире наград. Наверно, это всё-таки мало утешало ребят, но то, что рядом был их учитель, их всегдашний Алесь Иванович, как-то облегчало их незавидные судьбы. Конечно, они бы многое отдали, чтобы каким-нибудь образом спасти своего учителя» [9, с. 67]. Полиция шестерых, кроме Миклашевича, довезли до местечка и подержали там ещё пять дней. «Отделали всех – не узнать. Ввоскресенье, как раз на первый день пасхи, вешали. На телефонном столбе у почты прикрепили перекладину – толстый такой брус, получилось подобие креста, и по три с каждого конца. Сначала Мороза и Бородича, потом остальных, то с одной, то с другой стороны. Для равновесия. Так и стояло это коромысло несколько дней. Когда сняли, закопали в карьере за кирпичным заводом. Потом уже, как бы не в 46-ом, когда война кончилась, наши перехоронили поближе к Сельцу» [4, с. 71].

Все предсмертные часы Мороз был рядом со своими учениками, всячески подбадривая их, и это, как думал Ткачук, «как-то облегчало их незавидные судьбы». Самый великий и последний урок учителя Мороза, который и возбудил длившиеся целые десятилетия споры и даже резкие осуждения, – это его мнимое «дезертирство» из партизанского отряда в попытке спасти своих учеников, арестованных за совершённую ими наивную диверсию против полиция Каина и его приспешников – попытка уничтожения мо-

ста, при которой нашёл свою погибель один немец. Многие сочли поступок учителя чистейшим безрассудством: сам угодил вместе с ребятами на виселицу, а спасти их – не спас. Правда, за одним исключением – это Павел Миклашевич, которому помог бежать и кому, почти насмерть избитому, всё же удалось выжить. «Из семерых чудом уцелел один Миклашевич. Но здоровья так и не набрал. Молодой был – болел, стал постарше – болел. Мало того, что грудь прострелена навывлет, так ещё столько времени в талой воде пролежать. Начался туберкулёз... Пока лечил лёгкие, сдало сердце. Как ни берётся от проклятой, а все-таки доконала, настигла...» [4, с. 71]. Миклашевич, спасённый Морозом, стал учителем, и таким же неутомимым борцом за истину и справедливость. «Бывало, смотрю и не могу нарадоваться, – говорит о нём Ткачук, – ну словно брат Морозу Алесю Ивановичу. Всем: и характером, и добротой, и принципиальностью». Именно усилиями Миклашевича было восстановлено забытое доброе имя «дезертира» Мороза, якобы сдавшегося в плен. «Ну, пусть забыли. Забыли, потому что были другие дела. А главное, были побольше, чем он герои. Ну, в самом деле, что он такое совершил?» Чем же измерить этот «странный» поступок, на каких весах взвесить? Что, собственно, такое совершил Мороз, убил ли он хоть одного немца? «Он сделал больше, чем, если бы убил сто...», – восклицает знавший учителя Ткачук. – Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это образ? И в чью пользу...» [4, с. 71, 74].

Образ учителя Мороза в повести В. Быкова «Обелиск» – это гимн стойкости и мужеству всех учителей, ковавших Победу в тылу, на фронте, на оккупированной территории: «Это героическая история! – восклицает учитель Ткачук. – Так я понимаю!» [4, с. 71, 74]. И экзистенциально-религиозный выбор учителя вызывает к героико-возвышенному и идеально-символическому поступку, к которому должны попытаться приблизиться все, о чём писал ещё в XIX веке Т. Карлейль: «Идеалы должны существовать, что если мы вовсе не будем к ним приближаться, то всё погибнет! Несомненно так! Идеалы никогда в полной мере не осуществляются в действительности. Идеалы всег-

да должны оставаться на некотором довольно значительном расстоянии, и нам приходится довольствоваться известным приближением к ним и быть признательными за это!» [6, с. 215].

В год 70-летия Великой Победы и литературы в Российской Федерации обращение к теме Великой Отечественной войны в художественном творчестве писателя-фронтовика В. Быкова обусловлено попыткой объективного взгляда на события войны, стремлением воссоздать правду и восстановить истину, которая вновь «прорастает» и пробивает себе дорогу в наступившем столетии, благодаря логико-онтологическому посылу и экзистенциально-богоугодному выбору учителя, который во все времена неустанно «сеет» доброе, светлое, вечное, и «Такое не пропадает. Прорастёт» [4, с. 74].

Список литературы

1. Адамович А. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. – Минск: «Мастацкая літаратура», 1977.
2. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М., 1984. – 696 с.
3. Бовуар де С. Повесть. Эссе (пер. с фр.). – М.: Республика, 1992. – 414 с.
4. Быков В. Обелиск. Повести (пер. с белорус.). – М.: «Молодая гвардия», 1985. – 235 с.
5. Быков В. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. – М.: «Молодая гвардия», 1986.
6. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героические истории. Изд. 3. – СПб., 1908.
7. Корчак Я. Педагогическое наследие (пер. с польск.) // Сост. К.П. Чулкова. – М.: «Педагогика», 1990. – 272 с.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет (пер с дат.). – М.: «Республика», 1993. – 383 с.
9. Новый Завет и Псалтирь. – М.: The Gideons International, 1995. – 659 с.
10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // В кн.: Западная философия. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. – С. 447-467.
11. Слуцкий Б. Стихи разных лет. Из неизданного. – М.: «Советский писатель», 1988. – 232 с.
12. Унамуно де М. О трагическом чувстве жизни людей и народов (пер. с исп.) // «Философские науки». – 1991. – № 10. – С. 115-131.
13. Уткин А.И. Вторая мировая война. – М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 960 с.
14. Хусаинова А.Х. Экзистенция свободы выбора (философский анализ). – Уфа: АН РБ; «Гилем», 2010. – 228 с.
15. Ясперс К. Ван Гог // Звезда. – 1998. – № 2. – С. 9-20.
16. Ясперс К. Введение в философию // В кн.: Путь в философию. Антология. – М.: ПЭРСЭ; СПб.: «Университетская книга», 2001. – С. 224-235.